

УДАРЕНИЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ ИМЕН В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В.В. Колесов
(Ленинград)

Ударение суффиксальных имен имеет особое значение в историческом изменении и слова, и акцента: здесь можно проследить взаимодействие семантических, стилистических, словообразовательных и собственно акцентных факторов в диахроническом разворачивании системы.

Остановимся на рассмотрении имен с кратким суффиксальным гласным и изложим материал из древнерусских акцентованных источников, полнее всего сохраняющих первоначальное славянское распределение акцента у производных, который определяется, как известно, ударением на корне (баритона) сохраняли такое ударение и в производных (ср. вѣтръ, вѣтра и вѣтрость, вѣтрости, также грабежь, грабежа и т.д.). Акцентовка таких имен мало изменялась с течением времени (соответствующие изменения начались с конца XVII в.) и потому в данной статье они не рассмотрены. Производные от окситонированных (с постоянным ударением на флексии) и подвижных имен по своему ударению различались и довольно рано стали подвергаться изменениям.

Имена существительные с суффиксом -от(а)

В современных славянских языках преобладает дифференциация по ударению этих имен в зависимости от их значения: абстрактные имеют постоянно окончное, а конкретные - насуффиксное ударение. Таковы рефлекс ударений в сербском и в русском языках^I. Подобное распределение не может быть исконным хотя бы потому, что в остальных славянских языках возможно иное акцентное соотношение между кон-

^I См.: Я. Грот. Филологические разыскания. Спб, 1876, стр. 407; впоследствии такое распределение неоднократно описывалось (А. Лескиным, Л. Булаховским и др.).

кретной и абстрактной лексикой. В генетически близком к русскому украинском большинство производных на -от(а) окситонировано ², а слова с возможным ударением на суффиксе входят в число абстрактных, ср. простота, біднота, малота, пустота, тіснота, скорбота. Теоретические изыскания также дают противоречивые результаты. По мнению Ю. Куриловича, исконна окситонеза -отá ³; напротив, для Л. Садник предпочтительнее русск. Plural. доброты возводить к праславянскому, а окончное ударение в добротá объяснять по старинке перемещением ударения на акутовый слог согласно действию закона Фортунатова-Соссыра ⁴.

Из многих вопросов, связанных с историей производных на -от(а) нас интересуют два: 1) вопрос об исходном акцентном распределении этих имен и 2) вопрос о причинах последующих изменений в их акцентровке.

Для В. Вондрака существовала только одна реконструкция и лишь одно возможное в дальнейшем изменение ⁵. Сопоставление с санскр. paṅnātā показывает, что в праславянском производные на -от(а) имели нисходящую интонацию суффиксального гласного, в связи с чем по закону Фортунатова-Соссыра происходило перемещение на акутовый

² Cf. Hankewicz, Ein Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent - AfSlPh, II, Berlin 1877, S. 116.

³ J. Kurylowicz, L'accentuation des langues indo-européennes. - Wrocław-Kraków, 1958, p. 279 etc.

⁴ L. Sadnik, Slavische Akzentuation, I. Wiesbaden, 1959, S. 53.

⁵ V. Vondrák, Příspěvky k nauce o praslovanském přízvuku. - Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně. Číslo 5. Brno, 1924, s. 23-24.

слог (ср. русск. наго́та, словенск. naǰóta), а если такового не было - ударение переносилось на предыдущий краткий, сохраняясь перед предыдущим долгим в виде новоаккутовой интонации на суффиксальном слогe, ср. русск. сухо́та, но чакавск. dobrotà и вин.п. ед.ч. dòbrotu.

Для Л.А. Булаховского - это только одна из возможностей исходного распределения. Он учитывает, что (и в том же чакавском) в вин.п. ед.ч. возможна оттяжка и на долгий корневой слог (sramotà-sràmotu, sirotà-sìrotu, поэтому и добавляет, что ударение со среднего краткого могло переходить также на предыдущий слог с нисходящей интонацией на долготe ⁶. Если же чакавские факты вторичны, то в данном типе имен ударение первоначально было все-таки наконецным, "а восточнославянские формы с ударением -от(а) вторичны и требуют поэтому специального объяснения", например, в словах с обозначением болезненного состояния (икóта, хрипóта, ломóта) под влиянием форм множественного числа, потому что имена а=основ окситонного типа были подвержены тенденции к оттяжке ударения, ср. жены́ > же́ны ⁷. В качестве возможных источников аналогии называются также производные с другим суффиксом (икóта как икóтка, рабо́та как рабо́тник) или даже с другим корнем (напр., с редуцированным в корне типа льго́та - с особым типом изменения) ⁸. На основании редких примеров Л.А. Булаховский убежден, что ударение типа красоты в рус-

⁶ Л.А. Булаховский, Акцентологический закон А.А. Шахматова. - В кн.: А.А. Шахматов. М.-Л., 1947, стр. 408.

⁷ Л.А. Булаховский, Очерки восточнославянского ударения. - Наукові записки Київського держ. ун-ту, т. XIV, вип. 2, № 8, 1955, стр. 45.

⁸ Там же, стр. 45; его же. Акцентологический закон..., стр. 408.

ском возникает очень поздно: еще в начале XIX в. обычно ударение типа красоты⁹. В качестве третьей возможности (подобные колебания характерны для автора), Л.А. Булаховский, опираясь на литовской парадигме gyvatà-gyvātā 'жизнь', восстанавливает исконное ударение на суффиксе с последующими оттяжками на акутовый слог (вариация предшествующих толкований).

Таким образом, мы получаем следующие реконструкции исходной акцентной парадигмы:

1. *dobróta - dobrótu* \cong *dobrotá - dobrótu*
2. *dobrotá - dóbrotu* (у Вондрака из *dobróta-dobrótu*)
3. *dobrotá - dobrotú* \cong *dobróta - dobrótu*

Если в данных реконструкциях в качестве примеров использовать производные от разных акцентных типов (от баритонированных - опускаем), вполне возможно, что все представленные реконструкции окажутся одинаково справедливыми (см. ниже).

Однозначной реконструкции не дает и В.А. Дыбо¹⁰. По его мнению, основанному на расходящихся показаниях современных славянских языков, одинаково возможно у производных от окситона и подвижных как постоянное ударение на окончании, так и подвижное ударение у производных от подвижных основ. Первые обобщились в южнославянских, вторые - в восточнославянских языках. Балтийские данные подтверждают восточнославянское распределение, и потому (на наш взгляд) его скорее можно признать за исходное распределение акцента.

⁹ Там же, стр. 44.

¹⁰ В.А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском. - В кн.: Славянское языкознание. IУ Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, стр. 163 и 192.

Изложим материал из русских рукописных и диалектных источников.

Производные от окситонированных основ II. Бодрота воинская Фл. 2II. Доброта Х. 423, Нв. 575, доброты Пс. 564, Зап. 73, Нв. 4466, добротѣ Х. 785, Пч. 27, и добротѣ Пр. 746, доброту Х. 4476, Зап. 426, М. 63, добротою Х. 627, Зап. 1666, в добротѣ Курб. 1286, Леч. 4I, им.п. мн.ч. доброты Х. 42I, 794, и доброты Мин. 283, вин.п. доброты Зап. 1566, Пв. 376, Гз. 103, добротами Каа. 106, М. 1626, такое же ударение сохраняется и в северных говорах (доброта в Пин.), отклонения чрезвычайно редки и появляются с XVII в., ср. доброта Ст. 47, Л. 225, добротой Нв. 5766, также неясные колебания в добротой Х. 629, добротой Сб. 23:1716, которые вряд ли отражают произношение писцов; конечное ударение проникает в русск. постепенно, через этап "нефонетической" подвижности и лишь в XVIII в., ср. у Третьяковского (Тр.) доброта I. 572, 615, II. 360, с доброты II. 75, 229, 402, с добротой II. 65, в добротѣ I. 83, им.п. мн.ч. доброты I. 277, вин.п. мн.ч. доброты I. 464, во всех добротах I. 296, и др., а у Ломоносова (Лом.) уже доброта 696, в твоей доброте 76, от доброты 374, вин.п. мн.ч. доброты 94, с добротами 150, но вин.п. ед.ч. доброту 695 и доброту 522; в начале XIX в. ударение доброта воспринимается как церковное, архаическое, доброта — как разговорное русское¹², хотя и первое в речи интеллигенции

II Отнесение производящих корней к той или иной парадигме произведено на основании книги: В.В. Колесов. История русского ударения. Л., 1972. Примеры однородного типа приведены не исчерпывающим списком.

I² А. Прокопович-Антонский, Замечания о русском ударении. — Труды Общества любителей российской словесности, ч. IV. М., 1812, стр. 73.

еще долго распространено. Таким образом, нет оснований доброта считать вторичным ударением, возникшим по аналогии, например, с добрѣ¹³ или обязанным вторичной семантической дифференциации¹⁴ - насущное ударение этого слова исконно, ср. чакавск. dobrota и сербск. доброта 'доброта' и диал. доброта (В. Караджич) со значением 'богатство', подобная вариативность заставляет говорить об исконной подвижности с позднейшими выравниваниями по одной из главных падежных форм (такую подвижность сохраняют некоторые чакавские говоры: dobrotà, dòbrotu, dobrotàmi, ср. и кашуб. словинск. dëbrëcëtã, dëbrëtã Acc. Sing.) Дремóту Пч. 1096, ср. укр. дрѣмóта, белор. дрѣмота (хотя указывается и вариант дрѣмотá, дрѣмоты́¹⁵), колебание в разных источниках по словенскому языку (drémota у Мурко, но drémóta у Плетершника), при подвижности в кашуб. dřëmëcëtã, вин.п. ед.ч. dřëmota, но предударная долгота сохраняется в чешск. dřimota и словацк. driemota, что предполагает акцентовку дрѣмóта. Икóта Леч. 127 и в русских говорах. Красотà Об. 302, Зал. 72, Пч. 12, красоты́ Х. 389, Нв. 558, Пал. 476, красотѣ́ Др. II. 284, красотѹ́ Пч. 336,73, Ав. 236, красотóу Пс. 588, Ав. 2086, о красотѣ́ Пч.

¹³ N. Durnovo, Manuscripts russes distinguant l'ancien ó acuté et l'o d'une autre origine. - Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Ser. B, t. XXVII. Helsinki, 1932, p. 9.

¹⁴ С.П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Л., 1927, стр. 74.

¹⁵ И. Синяков, Ударение в русском языке. Вильно, 1908, стр. 106.

Іб, І22б, Ав. 264, Каз. 2, вин.п. мн.ч. красоты Сб. 23:І4б, красотами Пс. 587, Ав. 28І, ударение на суффиксе довольно редко, ср. велика красота есть Пч. 90, (от красоты Ав. І98б, красоту мудрости Пч. 82б, красотою Пс. І29, красотъ Др. ІІ. 503б; вместе с тем встречается ударение на корне (красота Мин. І5б, красотъ Мин. 360б), совпадающее с аналогичным ударением в северных говорах (ср. дѣвья красота Пин.); имея в виду такое ударение, Л.А. Булаховский предполагал его исконность в данном слове (акут корневого слога)^{І6}, однако сербск. красота, словенск. krasota такое предположение снимают. Любопытно в связи с этим несоответствие в рефлексе корневой долготы в чешск. (сохраняется: krásota ^{І7}) и словацк. (утрачена: krasota или, наоборот, отражает древнейшее ударение не на суффиксе). В русском окончательное ударение широко распространено и в XVIII в., ср. им.п. мн.ч. красоты Тр. І. 48, Сум. 360, вин.п. мн.ч. красоты Лом. І98 и т.д.

Ломота: от всякой ломоты Леч. І25б, к ломотѣ Леч. 84, І45б, о ломотѣ Леч. 23, 33б при окситонезе в современном русском (ломота и под.). Мокрота Леч. 72, род.п. мокроты Леч. І59б, мокроту морскую Пч. І86 и мокроту (выделения) Леч. І56, І56б, мокротъ Леч. 40, 60б, но вместе с тем мокрота Ас. 245б, род.п. мокроты Леч. 40б, І60, Ас. 259 (в обоих значениях), мокроту Св. 273б, Сг. І4, мокротю Леч. І57, о мокротѣ Леч. 4б, 39, 43, ср. словенск. mokróta и подвижность или насуффиксное ударение в чакавск. mokróta. Ostróta

^{І6} Л.А. Булаховский, Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению. - Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. І7. М., 1959, стр. 34.

^{І7} В. Вондрак считал вторичной чешскую долготу, см. V. Vondrák, Příspěvky k pauze ..., s. 25.

мечà Ст. II, но во остротѣ ума Об. 298б, ср. слнц. кашуб. vestròtã вин.п. ед.ч. vìestrotã и колебание в словенских данных ostròta (Плетершник) и ostróta (Валявец). Пахоты (род.п. ед.ч.) У. 238б, также от пахоты У. 238б, им.п. мн.ч. пахоты Улож. 200б, подобное колебание до начала XX в. ¹⁸, причем в XIX в. различие в ударении дифференцировало значения слов (в 3 издании словаря В.И. Даля пахотá 'действие от пахать; пахота - 'паханное поле'). Пестроты (вин.п. мн.ч.) Пс. I85, пестротами Хр. I8, но пестротóу Кр. I35, пестротáми Ав. I98б, ср. словенск. pestróta. Работа Х. I073б, Зап. II8б, Фл. 287б, также рабѣта Пр. 60б, последовательное ударение на суффиксе также во всех косвенных формах слова, начиная с самых древних памятников, отражающих ударение; окончное ударение проявляется в украинских и белорусских рукописях XVI-XVII вв., ср. работà, работáми, им.п. мн.ч. работы и под. ¹⁹ при дифференциации у Л. Зизания: работá 'делание', но работà 'рабство, неволя' - с расхождением в корневом вокализме (почему Л.А.Булаховский, видимо, и считал окончное ударение этого слова пришедшим из церковнославянского языка) впрочем, в других статьях он и русское работá признавал вторичным (по аналогии с работник, работáти), он же признавал исконным и болг. работá (по аналогии с вин.п. ед.ч. у подвижных имен), и т.д. Теплотá Х. II6Iб, Св. 249, Фл. II9б, М. 283, от теплоты Сб. 23:I83, теплоту Леч. Iб, теплотóу

¹⁸ И. Синяков, Указ. соч., стр. 85.

¹⁹ См.: Е.Ф. Карский. Белорусы. I. М., 1955, стр. 493; статьи З.М. Веселовской в книгах: Філологічний збірник, Київ, 1958, стр. 152, Дослідження з української та російської мов, Київ, 1964, стр. 127; И.И. Огиенко. Український наголос на початку XVII-го віку. У Жовкві, 1926, стр. 10, и др.

Пс. 121, Зап. 54, Фл. 220, но столь же часто и - теплѡта слнчна Зап. 53б, также Зап. 188, 198б, 193, бысть же в ту ношь теплѡта Др. II, 76б, от зелныя теплѡты (солнца) Зап. 88, также 190б, теплѡту (солнца) Зап. 88, также 136б, 137, теплѡтою Зап. 133б, 193б, ср. сербск. теплѡта и колебание в словенск. toplŏta и toplŏta. Хромѡты (род.п. ед.ч.) Зап. 105, 189б, хромѡтою Х. 1280б, Фл. 177б, и - от хромѡты Пч. 43, без хромѡты Фл. 121 (последнее ударение подтверждается сербским и словенским, но в кашубском, как обычно, подвижность). Щедрѡты (род.п. ед.ч.) Ч. 128б, щедрѡтою Х. 483, Об. 338б, во мн.ч. только такое ударение, ср. им.п. щедрѡты Пс. 82, 190, Пв. 30б, 105, щедрѡть Г. 750, щедрѡтами Др. II. 752б и др. вплоть до настоящего времени, хотя еще в начале XIX в. появлялись указания на то, что акцентовка щедрѡта "лучше", чем обычно употребляемое щедрѡта²⁰ - здесь несомненно влияние украинского ударения, в котором окситонеза для данного слова допускалась еще и в XVII в.²¹

Для других слов, производных от окситона, невозможно представить полную парадигму, отрывочные указания рукописей об ударении типа о рвѡтъ Леч. 35, 35б, босотѡю Св. 54 и под. не дают полного представления об исторических изменениях акцента в соответствующих словах; инославянские данные также противоречивы, поскольку отражают поздние изменения в самостоятельных славянских языках (для босота окситонеза в сербском, насуффиксное ударение в словен-

²⁰ В.Васильев, Об ударениях русского языка. - Маяк, т. IV, М., 1842, № 7, гл. 3, стр. 21.

²¹ И.И. Огиенко, Указ. соч., стр. 10.

ском и подвижность в кашубском материале).

В приведенных примерах любопытно, хотя и редкое, но возможное обобщение некоренного ударения только при долготном корне, тогда как при краткостном корне наблюдается удивительно длительное сохранение акцента на суффиксальном слоге, иногда с возможным рефлексом на суффиксе новоакутовой интонации (доброта). Исключением является форма твор.п. ед.ч. - только здесь довольно рано появляется окончное ударение, зафиксированное в словах босотоу, добротоу, пестроту, теплоту; его можно объяснить аналогией со стороны акцентности производных имен (женоу, женоу). Отмечена окситонеза и других форм - не только с конца XVI в. и притом в словах, которые испытали воздействие со стороны подвижных производящих основ.

В данной группе имен возможны уже семантические дифференциации акцента, ставшие нормой позднее, ср. в пределах одного памятника (Леч.) мокрота 'выделение' - мокрота 'влага', также острота меча (Ст.) - острота ума (Об.).

Развитием окончного ударения слово красота сближается с ударением производных от подвижных. В этом акцентологически неясном слове ударение на суффиксе дают только северные (или достаточно ранние) русские рукописи, например, Пс., Ав., Пч.

Таким образом, хорошо представленное ударение на суффиксе, которое можно признать исконным для данных образований, имеет ряд отклонений, связанных с характером корневого слога, со стилистической характеристикой слова в тексте, с его семантическими расхождениями и, видимо, с диалектными особенностями, отраженными в том или ином источнике.

Производные от подвижных имен.

глухота Соф. 423б, глухоты ради Пал. 139, Леч. 157б, глухотѣ Л. 225б, 243, глухоту Леч. 73б, о глухотѣ Леч. 5, 39б, рефлекс

наконечного ударения во всех славянских языках: белор. глухата́, сербск. глухота, словенск. gluóta, краткость корневого слога в чешск. hluchota и словацк. hluchota, подвижность в кашубском (ниже подобные соответствия славянских языков не указаны, но они предполагаются материалом). Нагота́ Зап. I95б, Сб. 23:176б, наготы́ Гз. I04, М. 316, наготу́ Сб. 23:169, Пал. 244б, нагото́ю Св. II0, Сб. 23:68б, М. 293, в наготѣ́ Гз. I04б, ср. в зѣме и в наготѣ Сб. 23:160, вин.п. мн.ч. в наготы́ Св. II0. Простоты́ (род.п. ед.ч.) Ул. 38б, просто́у Пч. 51б, простото́ю Ч. I27а, Пал. I81. Пустота́ Пв. 55б, пустоты́ Пч. 56, пустоту́ Фл. 209, 267, 289б, за пустото́ю Ул. 275б, (о) пустотѣ́ Фл. 270б. Сирота́ Кр. 45б, им.п. мн.ч. сироты́ Св. 70, Сб. 23:1б, Пал. I30, М. 307б, вин.п. мн.ч. сироты́ Ч. 81в, Нв. 533, Сб. 23:45, М. I50, сирота́мъ Пс. 563, Св. I37, М. II6, сирота́ми Сб. 23:158б, сиротѣ́ Пал. I80, М. 39б, колебания в русском появляется лишь в XVIII в., ср. сиротѣ́ Лом. 636, сирота́мъ Сум. 201, но им.п. мн.ч. сироты́ Сум. 299 и вин.п. мн.ч. сироты́ Сум. 445. Первоначально, следовательно, ударение на суффиксе появляется в форме им.п. мн.ч. (по аналогии с фонетически закономерной формой род.п. мн.ч. сиротѣ́), отличаясь от окончного ударения в форме вин.п. мн.ч. — это обычное преобразование ударения в многосложных именах множественного числа, начавшееся с конца XVII в.²² В украинских источниках находим колебание между сірота и сирота́ (современное белор. также сіроты́), откуда такое ударение проникает и в русское просторечие. Современное русское противопоставление окончного ударения в ед.ч. насуффиксному в формах мн.ч. сформировалось на протяжении XIX в. (мн. сироты́ возможно было еще у Не-

²² См.: В.В. Колесов, История русского ударения. Л., 1972, стр. 50-51, 58-59, 117 и след.

красова и других поэтов-северян).

Слѣпотà М. 297, слѣпотѣ Пч. 43, слѣпоту Ав. 237, М. 15, Кр. 139б, слѣпотѡу Фл. 271, о своем слѣпотѣ Уст. 185, ср. украинск. сліпотà и сліпота 'слепцы'. Срамотà Пв. 72б, Фл. 245б, срамотѣ Пв. 11б, Гз. 138б, Пал. 110, срамотѣ Др. II. 21, в срамоту Св. 339, Пв. 29, Ав. 318, срамотѡу Св. 165, Пал. 182, ср. украинск. соромота и определенной подвижности в сербск. срамота, срамоту, на срамоту. Сухотà Зап. 190, Леч. 184, сухотѣ Пч. 176, сухоту Леч. 117б, но сухоту ртянуу Леч. 100б, сухотѡу Леч. 85б, о сухотѣ Леч. 8б, 10б, 15, ср. долготу корня в форме им.-вин. мн.ч. súchoty в чешск. и словацк. при краткости в исходной форме suchota. Тѣснотà Нв. 581, Пал. 74, Леч. 186б, тѣснотѣ Пал. 65, Уст. 238, тѣсноту Гз. 109б, Пал. 229б, в тѣснотѣ Гз. 104, Фл. 234, в тѣснотàхь Пал. 187, но тѣсноты ради Г. II, 123б, Хр. 146, ср. тѣсноты Мин. 294б, в велицѣ тѣснотѣ Зап. 93б, ср. украинск. тіснота и долготу в чешск. tésnota при краткости в словацк. tesnota. Тяготà Соф. 329б, тяготѣ Ч. 69б, Гз. 57б, Курб. 138б, Уст. 202б, Кр. 197б, тяготу Нв. 480, Пч. 138б, Ав. 310, Гз. 79, Ст. 132б, тяготѡу Фл. 54б, также Лом. 319, вин.п. мн.ч. тяготы и др. Широтà Ч. 158в, Зап. 164, Фл. 83б, 119, по широтѣ Гз. 101, широту Фл. 251, широтѡу Х. 915б, Хр. 215, Фл. 175, в широтѣ Пт. 79б, вин.п. мн.ч. широты Пв. 139, также слова, редкие в текстах: скудотà бысть М. 241б, тукоты ея дѣля Фл. 117, 150б и др.

В эту же группу условно можно включить слово высота - с почти последовательной окситонезой в древнерусских источниках, ср. высота Ч. 103в, Х. 384б, Соф. 21б, Зап. 164, Ав. 325, высотѣ Соф. 161, Пв. 118, Пал. 75, по высотѣ Пт. 127б, Пч. 99, в высоту Др. II. 130, Ав. 314, высотѡу Зап. 214б, в высотѣ Пв. 148б, им.п.мн.ч. высоты Пт. 56б, Пв. 157, вин.п. мн.ч. высоты Пт. 107б, Пв. 139, также и по всем прочим формам парадигмы,

в том числе и в XVIII в.; отклонения редки: с высо́ты в род.п.ед.ч. Сб. 23:1716 (и высо́ты 356), высо́тою Фл. 174 (и высо́тою 1576, 2676, 273, 284), колебание на высо́тъ лежачи Сб. 23:451, а также вин.п. ед.ч. высо́ту Пс. 124, Х. 444, 532 и обычное ударение на суффиксе в украинских рукописях XVI в. къ высо́тъ, высо́ту, что совпадает с рефлексом долготы в чешск. výsota.

Отличительной особенностью производных от подвижных имен является последовательно окончательное ударение, последовательно сохранявшееся до XVII в., когда отмечаются первые отклонения (впоследствии они были использованы в семантических целях, ср. акцентовку слов сухота, теснота). В X. находим неясные следы подвижности (которая обычная для чакавского и словинцкого); однако в этой рукописи много следов южнославянского влияния. Предполагать подвижность типа сухота́ - су́хоту затруднительно, поскольку подобная подвижность одинаково захватывала бы (судя по нашим материалам) и производные от окситонированных имен.

Все изложенные факты заставляют реконструировать следующее правило распределения для производных на -от(а) в древнерусском:

- 1) производные от баритона - на корне (пра́вота),
- 2) производные от окситона - на суффиксе (добрóта),
- 3) производные от подвижных - на окончании (глухотá).

В самом русском колебания, очень редкие и поздние, не имеют какой-либо явной фонетической причины, многие из них легко объясняются воздействием изменившегося акцентного типа производящего слова. Изменение баритонированных типа правь, толсть, чисть в сторону окситонезы или подвижности привело к образованию нового ударения правотá, чистотá, толстотá по типу подвижных. Производные от подвижных полнее и строже всего сохранили свою окончательную

акцентовку, поскольку все прочие имена этого класса проявили тенденцию к совпадению с ними. Тем интереснее, что никакой подвижности производных от старых подвижных и новых подвижных имен в восточнославянских источниках мы не находим.

Единственное слово, имеющее в древнерусских источниках множество акцентных вариантов, приведено В.А. Дыбо как производное от подвижного корня ²³, ср. лѣпотѣ Пв. 64, Фл. 270, красотѣ лѣпоты его М. 386, лѣпоту Фл. 209, 269, Леч. 153, с лѣпотю Сб. 23: 1626, Фл. 2676, о лѣпотѣ Леч. 37, 70, но - лѣпота Пч. 20, Св. 1766, 3486 (ср. велелѣпота Пт. 21 и другие производные), лѣпоты его Пс. 505, Нв. 558, Пч. 836, по лѣпотѣ Х. 6306, лѣпоту Х. 444, Др. II. 4676, Об. 339, Пт. 56, Зап. 188, М. 333, также лѣпотою Ч. 136г, с доброю лѣпотою Пч. 12, лѣпотами Нв. 549 и др., ср. сербск. лѣпота, лѣпоту, на лѣпоту 'красота', но топоним лѣпота; подвижность и в чакавск. lipotà, lìpotu (в других чакавск. говорах неподвижное ударение на корне или суффиксе). Об исконной акцентовке этого слова также высказано много разных предположений, которые, в общем, сводятся к восстановлению вторичной подвижности, восходящей в конечном счете к исконному ударению на суффиксе ²⁴. Если это верно, тогда данное слово образовано от окситонированного корня. Любопытно распределение в древнерусских источниках: в северных рукописях обычно ударение на корне (Нв., Пч.) или даже подвижность (род.п. ед.ч. лѣпоты и вин.п. ед.ч. лѣпоту в М.),

²³ В.А. Дыбо, Акцентология и словообразование..., стр. 163.

²⁴ Л.А. Булаховский, Акцентологический закон А.А. Шахматова, стр. 408.

а в южнорусских рукописях XVII в. определенное и последовательное конечное ударение всех форм (лѣпотѣ, лѣпотѹ, лѣпотѹю в Фл.), хотя акцентовка вин.п. ед.ч. лѣпоту возможна и на юге (Об.) (ср. аналогичное ударение слова и в украинских памятниках ²⁵), что видимо, указывает на подвижность как на древний акцентный тип данного слова, возможно, восходящего к церковнославянскому ударению этого слова.

Имена существительные с суффиксом -об(а)

Только три слова (кроме постоянно баритонированного жѣлоба) можно отнести к этой малопродуктивной группе. Их акцентовка в рукописях довольно определена и в целом соответствует ожидаемой теоретически, ср. злѣба Зап. 139, Пч. 36, Пал. 196, злѣбы Ч. 816 и др. постоянно на суффиксе во всех формах с единственным зафиксированным отклонением в конце XVII в. злѣбѹ Дм. 516 (здесь же и обычное злѣбѹ), ср. также сія злѣба ключись Соф. 444б с украинск. злѣба, белор. злаба, сербск. злѣба, словенск. zlѣba — именно конечное ударение и кажется Л.А. Булаховскому наиболее древним, тогда как русск. злѣба он объясняет аналогией со стороны прилагательного злѣбный ²⁶. Утрѣба Об. 59, утрѣбы Об. 303б, Пт. 34б, Ст. 216, по утрѣбѹ Дом. 64, Фл. 229, в утрѣбѹ Пс. 75б, утрѣбою Др. II. 336б и др., ср. чакавск. utrѣba, словацк. и чешск. útroby, польск. wątroba, которые единогласно указывают на древность такого ударения (сербск. ўтроба еще А. Лескин считал вторичным, и с ним согласны все исследователи, касавшиеся этого вопроса). Худоба определен-

²⁵ З.М. Веселовська, Особливості наголосу похідних іменників у російських і українських пам'ятках... — В кн.: Дослідження з української та російської мов. Київ, 1964, стр. 126.

²⁶ Л.А. Булаховский. Очерки восточнославянского ударения. стр. 48.

но восходит к подвижному производящему корню, поэтому в русском наконечное ударение худобу Леч. 183, подтверждаемое сербск. худоба, словенск. hudóba и краткостью корневого слога в чешск. и словацк. chudoba. Акцентологическую историю данной группы имен Л.А. Булаховский справедливо связывал с проблематикой производных на -от(а).²⁷

Имена существительные с суффиксом -ост(ъ)

По своему происхождению и этот суффикс связан с -от(а), поэтому их изменения обычно рассматриваются совместно.

В. Вондрак полагал, что во всех случаях исконным является ударение на суффиксе. Впоследствии произошла оттяжка со срединного краткого слога на предшествующий краткий (корня), тогда как на долгий слог ударение не переносилось. В результате могло образоваться два типа ударения: на корне (⁺novostъ но в косвенных формах, напр., в мест.п. ед.ч. ⁺novostiъ, т.е. подвижное ударение типа грудь - груди) и на суффиксе (⁺radostъ с последующим развитием накоренного ударения по аналогии с производящим, например: sitostъ в сербск. sitost, потому что у производящего постоянное ударение на корне в сит, сита и под.)²⁸. Л. Садник присоединяется к этому мнению во всем, кроме главного: она сомневается, что в праславянском существовали формы с ударением на суффиксе²⁹. Такое заключение странно, если учесть, что многие славянские языки до сих пор сохраняют насуффиксную акцентовку типа белор. маладосць, дарагосць, весьляосць, мажносць, древнеукраинск. дорогосць,

²⁷ Там же, стр. 48.

²⁸ V. Vondrák, Příspěvky k nauce, s. 25-26.

²⁹ L. Sadnik, Slavische Akzentuation, S. 62-63.

молодо́сть, сербск. благѡст, тупѡст и др. Неопределенно по этому поводу высказался и Л.А. Булаховский: если в праславянском действительно имелся тип с ударением на суффиксе, то в болгарском он утратился, уподобившись типу с постоянным ударением на корне.³⁰ Очень запутанно и чересчур фонетично толкование Т. Лер-Сплавинского³¹ (оно противоречит некоторым правилам образования новоакутовой интонации).

Положительное решение вопроса можно искать в уже избранном направлении – в зависимости ударения производных от акцентной парадигмы производящей основы. Сопоставление всех славянских языков дает основания для реконструкции все тех же трех акцентных классов. В самом деле, в сербск. и чакавск. впоследствии совпадают результаты изменений у производных от подвижных и окситонированных, противопоставляясь производным от баритона (ударение последних – всегда на корне), а в западнославянских языках, наоборот, совпадают результаты изменения у производных от баритонированных и подвижных, противопоставляясь теперь производным от окситона, ср.:

восточнославянские языки

западнославянские языки

а) акутовая баритонеза:

краткость корневого слога:

сербск. милѡст, слѡ-
ѡст, стаѡѡст

чешск. milost, словацк. milost'
чешск. slabost, словацк. slabost'
чешск. starost, словацк. starost'
кашуб. словинцк. stārosc

³⁰ Л.А. Булаховский, Болгарский язык как источник реконструкции...
– Исследования по славянскому языкознанию, М.,
1961, стр. 243.

³¹ Т. Lehr-Splawiński, Studia i szkice wybrane, Warszawa, 1957, s. 33.

б) акцент ' на корне в сербск.

бѣлѡст, глупѡст и уда-
рение на суффиксе в
чакавск. mǔdrǒst

долгота корневого слога:

словацк. bielost', кашуб. bjǎulesc
чешск. hloupost', словацк. hlúpost'
чешск. moudrost, словацк. múdrost'
кашуб. mórdresc

с) акцент ' на корне в сербск.

блѣдѡст, тупѡст и уда-
рение на суффиксе в
чакавск.

краткость корневого слога:

чешск. bledost, словацк. bledost'
чешск. tupost, словацк. tupost'
кашуб. blǎdesc, tǔposc

Разумеется, четкой последовательности указанного распределения нет ни в южных, ни в западных славянских языках, произошло слишком много вторичных выравниваний. Однако все отклонения редки и касаются только отдельных языков. Например, сербск. крѣпѡст нельзя считать обязательно отражающим исконное ударение не только ввиду западнославянской краткости корневого слога, но и из-за наличия чакавск. krěpǒst; равным образом кашуб. glǎdesc с краткостью корня не показательна при наличии долготы корневого слога в чешск. и словацк., и т.д.

Наличие трех акцентных типов в праславянском и для данных суффиксальных имен не подлежит сомнению. Необходимо определить их отличия друг от друга. Несомненна акутовая баритонеза у образований от баритона, т.е. ударение +mílostь, +mílosti и под. Рефлекс долготы корневого слога в западнославянских языках для производных от окситона доказывает исконное ударение их на суффиксе, т.е. +bě-
lòstь, +bělòsti и под. Рефлекс краткости корневого слога у производных от подвижных имен. указывает на окончное ударение, т.е. +grǔbostь, +grǔbostí и под. Последнее можно также толковать как рефлекс подвижности, однако, поскольку в параллельных данному ти-

пах суффиксальных образований от подвижных имен образуется все-таки конечное ударение производных, всякие аномальные типы следует обосновывать специальным исследованием - они являются исключением.

Все последующие изменения, связанные с морфологическими выравниваниями акцентных классов, в каждом славянском языке происходили самостоятельно.

Несколько иначе восстанавливает праславянские отношения В.А.Дыбо.³² Он говорит о неподвижном ударении на корне для производных от баритона и неподвижном ударении на суффиксе для производных от окситона - но вместе с тем и о подвижности для производных от подвижных имен (т.е. ²+lěnostь, ²+lěnosti и под., тв.п. ед.ч. lěnostьjè . местн. п. ед.ч. ¹+lěností под.п. мн.ч. ¹+lěnostьjь). Для древнерусского он принимает как будто только два типа (второй и третий совпадают в общей подвижности), причем приводимые им примеры подвижности производных от окситона касаются кратких (и вторично кратких: мёртвость) корней, именно дóбрость, крóтость, бóдрость, скóрость). В средневековых южнославянских источниках третий тип также совпадает со вторым и в некоторых косвенных падежных формах (ср. местн.п. ед.ч. лѣности на месте ожидаемого лѣности), в чем В.А. Дыбо видит влияние со стороны производных от окситона.

Приводим древнерусский материал. Следует указать, что некоторые имена из числа баритонированных (в древнерусском) со временем дают необычную акцентовку на суффиксе или окончании. Например, жа́лость Пс. 84, Сим. 301б, жа́лости Ст. 23, на жа́лость Фл. 30б, им.п. мн.ч. жа́лости Г. 38б и др., но жа́лость Кар. 71б при сербск.

³² В.А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском...

жа́лѡст (но местн.п. жалѡсти, ср. бѣз жалости) и чакавск. подвижность. Такие примеры требуют самостоятельного рассмотрения, поскольку древнерусская баритонеза может быть не древней акцентовкой слова. Как правило, ранние смещения акцентовки происходят в словах, утративших или изменивших словообразующую основу.

Производные от окситонированных основ.

Бѡдрѡсть Об. 363б, Фл. 256б, бѡдрѡстию Об. 303б, Пв. 2, но им.п. мн.ч. бѡдрѡсть Ми. 269, на бѡдрѡсть в Печатной Минее 1608 г., 157б. Бѡрзѡсть Фл. 224, бѡрзѡсти Пр. 290, бѡрзѡстию Зап. 121б, Ст. 21, в бѡрзѡсти Хр. 256, ср. болг. бѡрзѡсть, словенск. brzŏst, при сербск. брѣѡст. Бѣлѡсть И. 312, бѣлѡстью Шум. 105, 450, ср. наречие бѣлѡстно Л. 204б, указывающее на исконное место ударения в слове, сербск. бѣлѡст, кашуб. bjãlęc, долгота в словацк. bielost' (но краткость в чешск. bělost при словенск. belŏst). Дѡбрѡсть Ч. 107г и др. при новом акценте в сербск. дѡбрѡст и словенск. dobrŏst. Жѣлѡсть Леч. 23, 60б, 126, о жѣлѡсти Леч. 4б, 24б, 30б, словенск. žŏltost, словацк. žltost' (никакой информации об исконном типе ударения эти примеры не дают, ниже не приводятся сопоставления для корней типа tъrt). Жѣстѡсть Зап. 119б, Сб. 23:166, Леч. 77б, от жѣстѡсти Пал. 159б, жѣстѡстию Др. 1.367б. Зѣленѡсть Леч. 91б, при словенск. zelenŏst (на основе чего следует предполагать зелѣнѡсть). Лѣнѡсть Пр. 138, Фл. 133б, без лѣнѡсти Др. 1.305, Пр. 275б, Пв. 11, Гз. 43, к лѣнѡсти Гз. 124, на лѣнѡсть Св. 325б, лѣнѡстию Пр. 76, Сб. 23:4б, в лѣнѡсти Пв. 88, Гз. 162б, Уст. 30, ср. единичное отклонение, которое оказывается сомнительным: бѣз лѣнѡсти Ч. 128г³³;

³³ Так понимает этот пример В.А. Дыбо (Акцентология и словообразование в славянском, стр. 160), тогда как Л.Л. Васильев (О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках, Л., 1929, стр. 40) читал его иначе: бѣз лѣпѡсти.

на то, что слово образовано от окситонированной основы, указывает словацк. lieň 'лень' и ударение производных - чешск. línost, серб. лијеност, лијености, чакавск. lĕnóst (но словенск. lenŏst). Лѹ-гостѣ Хр. 45, 296б, Курб. 3б, 152, лѹгостию Др. II.275б, Хр. 266, ср. чешск. lĭtost, словацк. l'útost', также словенск. ljútost, но краткость корня в кашуб. l'atesc 'сострадание' (в сербск. это слово очень рано развило последовательное ударение на корне, во всех древнерусских источниках - также). Мѣртвостѣ Ч. II7г, мѣртвостѣ Сб. 5:75б, словацк. mŕtvost', но чешск. mrtvost . Мокростѣ Л. 193б, о мокрости Леч. 21б, о злыхъ мокросѣ/тяхѣ Леч. 40, также в словенск. mokrŏst. Мѹдростѣ Шум. 279, Па. 63б, 83б, мѹдрости Г. 316б, Пв. 131б, в мѹдростѣ Пт. 54, но мѹдростѣ Лапт. 901 (ср. премѹдростѣ Лапт. 903б), Г. 998 и др., с мѹдростию Др. II. 201 ср. чакавск. mŭd-rŏst (в сербск. рано совпало с баритона), в западнославянских - предударная долгота (чешск. moudrost, словацк. mŭdrosť, кашуб. mŏudresc). Остростѣ Леч. 96, о бстрости Леч. 13б, ср. словенск. ŏstrŏst с тем же результатом. Скѹростѣ Пч. 122б, до скѹрости Пт. 98б, дѹ скорости в Псалтири Максима Грека по списку XVII в. (что В.А. Дыбо считает русским ударением ³⁴, также скѹростию Сб. 5:73б, И. 95, Пв 1б и др. Скѹпостѣ Пв. 92б, скѹпостию Пв. 5б, 21б, при долготе в чешск. skoupost, словацк. skŭpost', кашуб. skŏppesc, польск. skąpiec подтверждает возможность такого ударения. Тѣмностѣ Ст. 10 при словенск. temnŏst. Тѣплостѣ Л. 199, о тѣплости Леч. 32б. Хѣтростѣ Др. II.749, Об. 4, Пч. 163, хѣтрости Г. 753, Сим. 54, Дом. 98, дат.п. хѣтрости Хр. 167, хѣтростѹю Х. 882, Шум. 258, им.п. мн.

³⁴ В.А. Дыбо, Акцентология и словообразование, стр. 160.

ч. хитрости Дом. 996, II8, I23, хитростей Пал. 72, хитростями Г. 7576, исконное ударение на суффиксе подтверждается кашуб. xitresc (словенск. hitrost и сербск. xitrost, подобно русскому, вторичны). Храбрость Шум. 4396, храбрости Лапт. 9II, дат.п. храбрости Сим. I00, на храбрость Каз. 27, местн.п. храбрости Об. 52, но им.п. ед. ч. храбрость Лапт. 797, ср. с этим краткость корневого слога в чешск. chrabrost и словацк. chrabrost', акцентовку в словенск. hrabrost при сербск. xabrost. Чёрность Гз. I53, Леч. I37, Пр. 202, чёрности Г. 534, Хр. 4056, Пр. I22, Ст. IO, о чёрности Леч. 30, ср. словенск. crnost, но кашуб. carnesc и сербск. crnost, crности. Судя по ударению краткого прилагательного, в эту же группу следовало бы отнести слово яръость, но и его акцентовка дает расходящиеся результаты по славянским языкам: сербск. jabrost, jabрости с указанием на ударение суффикса, но словенск. jarost и краткость корня в чешск. и словацк., что отрицает насуффиксное ударение. В древнерусском: яръость Пс. 368, Др. I.38I6, и мн. др., яръости Пс. 89, Г. 536 и др., на... яръость Фл. I56 и др., но также яръость Фл. 236, к яръости Пч. 45, яръостию Лапт. 9776, яръости гнѣва его Ч. I55г, что доказывает вторичность накоренного ударения в данном слове.

Производные от подвижных основ.

Блѣдость Пс. 579, на блѣдость Др. II.5IO, ср. краткость корневого слога в чешск. bledost и словацк. bledost', кашуб. bladesc при сербск. bledost и словенск. bledost. Болѣсть Х. 987, Л. 20I, Леч. 2, от болѣсти Л. 2I7, Леч. I43, болѣсть злую Фл. 336, болѣсттю Фл. I45, болѣстемъ Леч. 646, ср. то же ударение в болг. bolest, чакавск. bolest, сербск. bolest, словенск. bolest. Гордость Г. 596, Дом. 37 и др., гордости И. 846, за гордость Пв. I386, гордостию Др. II.22, Лапт. I44, в гордости Лапт. 9046, Курб. I706, но род.п. ед.ч. гордости Сб. 23:17I6, за гордость Св. 3256, в гордости Зап.

II46, ³⁵ также оттяжку типа от гордости Сб. 0:2736, 286. Горестъ Хр. 2396, (от) горести Пр. 104 и др. Грубость Пр. 137, паче грубости Гз. 123, также Каз. 96, (к) грубости Пр. 406, Зап. 215, за грубость Др. II.3416, но дат.п. ед.ч. и грубости моей Д. 26, ср. сербск. грубост и краткость корня во всех западнославянских языках. Густость Л. 2176 при краткости корня в чешск. hustost, словацк. hustost', кашуб. gąstosc. Дерзость Ч. 79г, Г. 516, Хр. 180, Фл. 213, дерзости Сим. 46, И. 90, о дерзости Пв. 52, вин.п. мн.ч. дерзости Пв. 184, но - к шатанию дерзость прилагаяху Др. II.148, за дерзость Зап. 216. Кротость Ч. 1316, Пс. 91, Зап. 46, Пв. 44 и постоянно, кротости Шум. 953, Зап. 43, Пч. 163, в кротость Др. II.416, Курб. 137, кротостью Ч. 85а, Лапт. 1516, Пв. 115, в кротости Г. 596, Сим. 2456, Пв. 21, также в XVIII в., хотя в древнерусском сохраняются и остатки древнего ударения: на кротость Г. 658, Торжественник XVI в. ³⁶, кротостию Зап. 43, 131, кротостию Зап. 132, в кротости Ч. 816, 139в, о незлобии и кротости Лапт. 7236, о кротости Пч. 158 ³⁷. Крѣпость Х. 12, Лапт. 363, Соф. 183, крѣпости Об. 274, Пт. 3, крѣпостию Лапт. 4056, Об. 289, местн.п. крѣпости Др. II.439, Фл. 289, им. и вин.п. мн.ч. крѣпости Лапт. 176, Пв. 184, до крѣпостей Шум. 8206, в крѣпостехъ Пал. 217 и др., но - крѣпость Сб. 0:1496, род.п. ед.ч. крѣпости Лапт. 984, а с конца XVII в. во мн. числе крѣпостей У. 144, Ул. 145 и др., по крѣпостямъ Сг. 2366,

³⁵ Такое же ударение в старопечатных Псалтырях; Л.А. Булаховский (Очерки восточнославянского ударения, стр. 56) считал его вторичным, возникшим по аналогии с непроизводными.

³⁶ Л.Л. Васильев, О значении каморы, стр. 40.

³⁷ В.А. Дыбо (Акцентология и словообразование в славянском, стр. 160) относит к числу производных от окситона, но не все славянские языки это подтверждают.

У. 123, 151, Ул. 1476, с крѣпостьми Ст. 187, У. 1376, в крѣпостяхъ Курб. 146, Ст. 2366, У. 145 и др. при сербск. крѣпѣст и краткости корневого слога в чешск. křepost. Лѣгость Леч. 92, к лѣгости Зап. 101, о лѣгости мозга Леч. 32. Мѣрзость Хр. 250, 2876, Пт. 506, мѣрзости Сб. 23:1696, (к) мѣрзости Пал. 20, в мѣрзостехъ Пт. 103. Скѹдость Дом. 38, Хр. 224, Пр. 339, род.п. ед.ч. скѹдости Дом. 886, скѹдостью Об. 1436, в скѹдости Гз. ср. за скудость Др. II. 6926. Сладость Лапт. 9706, Г. 600 Пр. 41, сладости Об. 466, по сладости Об. 2926, Пч. 45, в сладость Лапт. 9636, Дом. 15, Сб. 23:316, сладостию Гз. 103 и др. при сербск. сладѣст. Сѹхость Л. 193, о сѹхости Леч. 16, словенск. suhost и краткость корневого слога в чешск. и словацк. Твѣрдость Сим. 556, Фл. 286, твѣрдостей Л. 193 и др., ср. сербск. твѣрдѣст. Тѹгость Леч. 1566, словенск. tohost и краткость корневого слога в западнославянских языках. Тягость Х. 1326, Др. I.4416, Пр. 57 и др., тягости Др. II.132, Шум. 8626, тягостью Др. I.458 и др. (с таким же ударением употребляется и слово тяжесть - Пр. 686, Сб. 23:15 и др.). Хѹдость Пр. 52, Пч. 1186, Пв. 216, хѹдости Сб. 5:4966, (к) хѹдости Уст. 148, в хѹдость Сб. 0:11, при тех же характеристиках в других славянских языках. Юность Хр. 3346, Пр. 47, юности Пс. 90, Дом. 1156, Зап. 1016, юностию Пал. 356, о юности Пч. 16, во юности своемъ Пв. 64 и др., ср. чешск. junost.

Вторично производные от подвижных ведут себя как образованные от окситонированных основ, ср. ударение слова свѣтлость Х. 1416, Др. II.510, Пр. 76, Ст. 47, Леч. 98, свѣтлости Лапт. 9676, в свою свѣтлость Др. II.14, свѣтлостью Шум. 9286, Лапт. 201, ср. свѣтлостью Шум. 291, также в свѣтлости Др. I.4306, Об. 2846, свѣтлостьми Ас. 30, въ свѣтлостехъ Пр. 73, 1176; в других славянских языках обычные колебания: ударение на корне в сербск. свѣтлѣст и словенск. svetlŕst, краткость корневого слога в чешск. svĕtlost', словацк.

svetlost', кашуб. svjätlest (что может указывать и наконецное, и накоренное ударение в прошлом) при колебании в разных чакавских говорах (отражено svitlōst и svitlōst).

Как видно из представленных материалов, производные от окситона сохраняют следы ударения на суффиксе, но только в слоге перед слабым редуцированным гласным (мудрость, мудростию, хитростями, ярость, яростию), хотя возможно сохранение и не фонетического характера (например, в форме им. и вин.п. мн.ч. хитрости и хитрости для обычного в древнерусском разграничения этих форм). Некоторые из них в древности могли входить в тип подвижных, этим и объясняется неустойчивость акцента (ср. бодрость и ярость). Возможно, что в праславянском возникали фонетические условия оттяжки ударения на предыдущий краткий (корневой слог), в таком случае можно говорить о сходстве изменений с префиксальными именами. ³⁸

Больше всего отклонений у производных от подвижных имен. Здесь также намечается обычная для русского языка тенденция к обобщению накоренного ударения (чем русский язык совпадает с болгарским – и отличается от белорусского), но имеется также много примеров, подтверждающих древность ударения не на корне. Акценты типа волглость, гордость, кротость, крѣпость, также к болестѣмъ, в гордости, к грубости и др. могут быть остатком древнего ударения, в то время как оттяжки типа на блѣдость, от гордости, за дерзость, на кротость, за скудость, за худость – примеры столь же редкие, что и древнее накоренное ударение ряда форм, они и встречаются только в севернорусских рукописях (до начала XVII в., когда начался новый процесс вы-

³⁸ См.: В.В. Колесов, Ударение префиксальных имен в древнерусском и праславянском. – *Studia Slavica Hungarica*, XXI, Budapest, 1975.

равнивания акцента по аналогии). Производные от окситонированных не имеют подобной оттяжки акцента на предлог, хотя уже в древнерусском языке они обобщают ударение подобно последним (производным от подвижных). Следовательно, можно было бы говорить о достаточной древности подвижности производных от подвижных (т.е. соглашаясь с В.А. Дыбо, предполагать ударение хúдость, за́ худость). Однако наряду с тем имеются и несовпадения типа от гордóсти (Сб. 23) - от гордóсти (Сб. 0), род.п. ед.ч. крѣпóсти (Хр.) - крѣпóсти (Лапт.), также в кротостѣ (Ч.) - в кротóсти (Лапт., Пч.) и под. Они указывают, по крайней мере, для части производных, насуффиксное ударение, которое является вторичным в случае, если оттяжки типа за худость исконны, - и исконны, если такие оттяжки вторичны. Действительно, аналогия со стороны ударения им.п. ед.ч. крѣпóсть с новоакутовой интонацией на суффиксальном гласном (из крѣпóсть) могла привести к акцентовке типа крѣпóсти, но последняя не могла быть устойчивой и не закрепилась у восточных славян. Что совершенно определенно является из наших сопоставлений, так это то, что производные от окситона много раньше совпадали с производными от баритона, тогда как подвижные долго сохраняли свою особую парадигму и, следовательно, действительно отличались от производных, полученных от подвижных основ. Что касается разницы между ними, тут можно лишь строить предположения.

Приведенные выше сопоставления акцентов в разных славянских языках (см. таблицу) показывают, что языки, сохранявшие интонационные или количественные противопоставления, совместили попарно только один какой-то тип акцентовки, например, баритонированный с подвижным в западнославянских языках. У восточных славян ведущей просодической характеристикой стало свободное ударение - и это позволяло длительно сохранять исконное праславянское распределение

акцентных парадигм. Их совмещение началось достаточно поздно, оно не совпадает в разных восточнославянских языках, причем (и это самое важное) именно в русском наблюдается почти полное соответствие болгарским (шире - "южнославянским") акцентам, тогда как белорусский и украинский отчасти продолжают древнерусскую традицию, а севернорусские говоры ее сохраняют. Другими словами, "русское ударение" оказывается вовсе не русским в самом широком смысле слова: уже в древнейших источниках отражаются направления аналогии, не характерные для разговорного русского языка.

Исследование затрудняется не только стилистическим, но и грамматическим фактором. Утрата производящих основ или затемнение этимологических связей с последними приводило к неустойчивости правила "акцентного подобия" производного по отношению к производящему: ср. яръсть по отношению к парадигме яръ, и др. В результате подобные, семантически особые (абстрактная, не обычная для разговорной речи лексика) и потому стилистически высокие слова переориентировали правила своего акцентного распределения по типу производных имен того же класса, т.е. прежде всего, имена с суффиксом =ост (ь) по типу кость, гость. Относительно последних известно³⁹, что они утрачивали различия между окситонированным и подвижным типом еще в праславянском; по аналогии это распространилось и на образования с суффиксом =ост(ь). Действительно, прочие производные женского рода с краткостным суффиксом, рассмотренные выше, дают более надежный материал для реконструкции праславянских парадигм, чем эти.

³⁹ В.В. Колесов, История русского ударения, стр. 70-100.

В этом направлении следует искать возникновение новых типов подвижности у образований типа хúдость, на́ худость, не возводя такую подвижность к праславянскому.

Условные сокращения

- Ав. - Житие протопопы Аввакума, БАН, Дружинин. 746, XVII в.
Ас. - Сборник Сийского мон-ря, ИРЛИ, Меэ. 3, XVII в.
БАН - Библиотека АН СССР в г. Ленинграде
Г. - Голицынский том Лицевого свода, ГПБ, ф. IУ. 225, XVI в.
Д. - Хождение игумена Даниила, БАН, Нефедов, 3, XVII в.
Дм. - Повесть об убиении царевича Димитрия, ГПБ Q.I.877, 1961 г.
Дом. - Домострой, ГПБ, Q. XVII. I49, XVI в.
Др. - Летописец Древний, тт. I и II, БАН ЗI. 7. 30, XVI в.
Ж. - Житие Павла Обнорского, ГПБ, Колобов 488, XVII в.
Зап. - Записная книжка XVI-XVII вв., ГПБ, Q. XVII. 67.
И. - Книга Историкъ, ГПБ, Соф. I42I, XVI в.
ИРЛИ - Институт русской литературы им. Пушкина в Ленинграде
Каз. - Казанская история, ГПБ, Q. IУ. I70, XVII в.
Кар. - Сборник ИРЛИ, Карельск. 6, XVII в.
Кр. - Сборник ИРЛИ, Карельск. IO, XVII в.
Курб. - Сборник сочинений Курбского, ГПБ, Q. IУ, 54, XVII в.
Л. - Лечебник, ГПБ, Тиханов 697, XVII в.
Лапт. - Лаптевский том Лицевого свода, ГПБ, ф. IУ. 233, XVI в.
Леч. - Лечебник, ГПБ, Колобов, 649, XVII в.
Лом. - М.В. Ломоносов. Сочинения, т. 8. М.-Л., 1959.
М. - Минея из собрания автора, сер. XVII в.
Мин. - Минея, ПОД, № 542, XVI в.
Нв. - Новгородская летопись, БАН, 34. 4. 32, XVII в.
Об. - Обиходник Кирилловского мон-ря, ГПБ, Соф. I5I6, XVI в.

- Пал. - История Авраамия Палицына, ГПБ, Q. IV. 352, XVII в.
- Пв. - Сборник ГПБ Погодин I6II, XVII в.
- Пин. - записи севернорусского пинежского говора, сделанные автором.
- ПОД - Псковское областное Древлехранилище.
- Пр. - Пролог, ГПБ, Соф. I424, XVI в.
- Пс. - Псалтырь, ГПБ, Погодин, 86, XVI в.
- Пт. - Псалтырь и синодик, ГПБ, Соф. 69, XVI в.
- Пч. - Пчела, ГПБ, Кирилл.-Белоз. II4/II9I, I640 г.
- Тр. - В. Третьяковский. Сочинения, тт. I и II. СПб., I849.
- Сб. 0 - Сборник, ГПБ, Соф. I460, XVI в.
- Сб. 5 - Сборник, ГПБ, Ф. II. 255, XVI в.
- Сб. 23 - Сборник, ГПБ, Ф. XVII. 23, XVII в.
- Св. - Стоглав I55I г., ГПБ, Q, II. I02, I645 г.
- Сг. - Стоглав I55I г., ГПБ, Q, II. 80, XVII в.
- Сим. - Симеоновская летопись, БАН, I6, 80. 25, XVI в.
- Соф. - Софийская летопись, БАН, 34. 2. 3I, XVI в.
- Ст. - Сборник, БАН, 2I. 7. 8, XVII в.
- Сум. - А.П. Сумароков. Избранные произведения, Л., I957.
- У. Ул. - Соборное уложение I649 г. по списку I728 г., ГПБ, Ф. II. II.
- Улож. - Соборное Уложение I649 г. (старопечатная книга)
- Уст. - Жития устюжских чудотворцев, БАН 45. IO. 2, XVII в.
- Фл. - История Иосифа Флавия, БАН. Архангельск. Д. 447, XVII в.
- Х. - Хронологический том Лицевого свода, БАН, I7. I7. 9, XVII в.
- Хр. - Хронографический сборник, ГПБ, Погодин, I404а, XVI в.
- Ч. - Чудовский новый Завет, I355 г. (по литографированному изданию: М., I892).
- Шум. - Шумиловский том Лицевого свода, ГПБ, Ф. IV. 232, XVI в.

Гз. - Сборник с русскими текстами, БАН, I7. 5. 27, XVII в.

ГПБ - Государственная Публичная библиотека в г. Ленинграде.